

АНАТОЛИЙ ЗАРЕЦКИЙ

**Мысли
из палаты №6**

РАССКАЗЫ

Анатолий Зарецкий
Мысли из палаты №6

«Издательские решения»

Зарецкий А.

Мысли из палаты №6 / А. Зарецкий — «Издательские решения»,

«Время лечит»... Какая чушь!.. От жизни лечит только смерть — моя смерть... А что потом, когда сам стану лишь чьим-то воспоминанием? Ведь уже сейчас рядом со мной не осталось никого, кто мог бы вдруг спросить: «Толик, а ты помнишь Людочку?». Я бы вздрогнул, как от ожога, и не ответил. Зачем?.. Вот только, что же все-таки потом, когда не будет меня?.. Похоже, останутся лишь эти строки, пока время не сотрет их за ненужностью... Всё...

© Зарецкий А.

© Издательские решения

Содержание

От автора	6
Мысли из палаты номер 6	8
Разведка убоем	11
Конец ознакомительного фрагмента.	24

Мысли из палаты №6
Рассказы
Анатолий Зарецкий

© Анатолий Зарецкий, 2016

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

От автора

Однажды неведомая сила подхватила с постели в четыре утра и направила к компьютеру. Не рассуждая, открыл новый документ и стал набирать все, что шло не от разума – от сердца. Поставив последнюю точку, решил ничего не править. Пусть останется, как есть:

Так не бывает,
Вот уже полвека
Влюблен я как мальчишка
В Пустоту...
В Ничто...
Была ты девушкой когда-то,
Красавицей с глазами лани...
Однажды заглянул в них
И пропал,
Сраженный отражением
Вселенной...
И утонул в них,
Растворился.
Весь, без остатка,
До последней клетки...
И не было меня сильней,
Готового сразиться
Со всем миром
За право обладания

Тобой...
Но ты ушла,
Став вечною Невестой
Мне, смертному,
И самому Владыке Мира...
Что от тебя осталось?
Только Имя
И память скорбная моя,
Что не дает забыть
Мгновенья счастья,
Судьбой подаренного
Много лет назад,
Когда увидел я
Твое цветенье —
Мой самый яркий,
Самый чистый,
Неповторимый мой
Цветочек.

«Время лечит»... Какая чушь!.. От жизни лечит только смерть – моя смерть...
Но я до сих пор осознаю себя как личность и значит, помню все, что случилось со мной
на рассвете жизни...

А что потом, когда сам стану лишь чьим-то воспоминанием? Ведь уже сейчас рядом
со мной не осталось никого, кто мог бы вдруг спросить: «Толик, а ты помнишь Людочку?»

Я бы вздрогнул, как от ожога, и не ответил. Зачем?..

Вот только, что же все-таки потом, когда не будет меня?..

Похоже, останутся лишь эти строки, пока время не сотрет их за ненужностью...

Всё...

Мысли из палаты номер 6

Объявили отбой, но уснуть невозможно. Раздражал постоянный яркий свет в палате. В вечер после укола, похоже, было все равно. А вот теперь, когда действительно напряжен, как натянутая струна, не спалось. Впрочем, какая разница, если прямо со следующего дня предстоял двухнедельный сон.

Периодически в палату заходили санитары или медсестра – приходилось притворяться спящим. Однажды все-таки засекли.

– Не спитесь? – спросила медсестра, – Может, укольчик сделаем? – предложила она.

Отказался, сославшись на то, что она меня случайно разбудила, а так со сном все в порядке. А в палате стоял мощный храп. Напичканные таблетками и микстурой, пациенты психиатрического отделения крепко спали...

Рой мыслей, круживших в голове, не давал уснуть. Обрывки стихов сменялись яркими видениями эпизодов прошлой жизни, вызвавших создание того или иного стиха, всплывавшего в памяти. И периодически, как набат, в голове стучало: «Лю-ю-дочка!.. Лю-ю-дочка!..» Я мысленно звал любимую из небытия, разумом понимая, что все напрасно, но душой надеясь на чудо.

Ведь пришла же она на помощь в трудную минуту. Я ясно видел ее взволнованное лицо за этим зарешеченным окошком и слышал тревожный голос: «Проснись! Срочно проснись!» Такое не может присниться. Это было на самом деле, это не видение...

Потом вдруг охватило странное чувство, что кто-то таким вот необычным способом издевается надо мной. Вспомнил все прочитанное когда-то о препаратах, вызывающих галлюцинации, причем настолько реалистичные, что порой трудно отличить видения от действительности. А может, эти полковники подмешали что-то в микстуру, которую заставила выпить медсестра? Сама микстура безобидна, но с этими добавками стала для меня опасной. Они, очевидно, хотят узнать обо мне все, чтобы более успешно бороться со мной. Но я не должен выдать им главную тайну. Даже случайно. «Они ничего не узнают о моей любимой Людочке», – твердо решил я.

Приняв решение, и немного успокоившись, стал размышлять над причинами столь бурной активности этих двух полковников вокруг моей скромной персоны. Ведь никто не обращал на меня внимания, в какие бы инстанции ни обращался со своей просьбой об увольнении. И лишь когда жена обратилась в ЦК КПСС, появились те уроды. Сначала возник один полковник Кац со своей сумасшедшей собачкой. Он все же выведал один секрет – мою нелюбовь к телефонам. А потом появился другой полковник Кац – типичный провокатор, с кучей телефонов для оперативной связи с остальными мерзавцами. Он-то и упрятал меня сюда, когда я в честном поединке уничтожил его главный красный телефон.

А причина, скорее всего, одна – не может быть одновременно двух «Программ КПСС». Вот партократы и переполошились. Все просто. Дали задание особистам узнать, кто я такой. А те вытащили из архива мою «Программу...», сразу все поняли и доложили партократам. А из нее ясно вытекает, что их партийная программа липовая! Никакого коммунизма никому не построить – ни в отдельно взятой стране, ни во всем мире. Мне это было понятно даже в школе... Потому что невозможно каждому дураку дать все по его потребностям, ибо потребности дурака безграничны... А дураков у нас в стране, как, впрочем, и повсюду в мире – большинство.

И каждый норовит руководить, а не работать. Желающих работать, а особенно созидать, мало. Эти «шурики» работать не любят, даже из-под палки, а чтобы им работать по своим способностям, да еще добровольно – извините... Зато шурики всегда будут в первых рядах

едоков. Попасть на первый черпак – их идеал на бытовом уровне. А поскольку ресурсы Земли не бесконечны, шурики быстро все сожрут... Это аксиома.

От этих выводов вдруг стало смешно до колик. На мой смех в палату заглянул санитар. Притворился спящим. Внимательно осмотрев палату, санитар ушел.

А я снова смотрел на зарешеченное окошко и размышлял, размышлял, размышлял...

Шурики – основные разрушители мира. Они истощают планету, пожирая даже то, что жрать им не по чину. И таких шуриков миллиарды. Они уже загадили своими отходами даже пустыни и размножаются с катастрофической быстротой... Но есть разрушители пострашней рядовых шуриков... Это благодетели человечества... И особенно опасны те, что пытаются быстро и радикально преобразовать мир – это политики и ученые...

Именно в этой среде прорва шуриков, желающих поэкспериментировать с человечеством. Шурики-политики постоянно озабочены идеей равенства, а на деле стремятся выявить всех способных, талантливых и даже гениальных индивидуумов и непременно принизить их до уровня своей серой массы, а затем суетливо, по-крестьянски, объегорить, нагло посмеиваясь при этом – не будьте слишком умными, будьте шуриками, как все...

А ученые шурики так и норовят украсть идею у гения и, не понимая ее до конца, создать и опробовать какую-нибудь пакость. Так, любопытства ради... Опробуют они однажды что-нибудь на свою голову и на погибель человечества.

Рано или поздно, например, вздумают они поэкспериментировать с кристаллической жизнью. Сдуру подумают, что эти искусственные люди будут за них – шуриков – работать. А у тех свои шурики непременно появятся, только более шустрые и совсем уж безмозглые – ради удешевления их производства. А созданы-то они будут «по образу и подобию»...

И пойдет у них война с человечеством за истощающиеся ресурсы Земли. Да еще найдется какой-нибудь кристаллический придурок, который тоже захочет строить коммунизм. Ведь коммунизм – это несбыточная мечта всех шуриков, где каждому будет позволено жрать в соответствии с его ненасытными потребностями, а от него не потребуют ничего, или, в худшем случае, в соответствии с его посредственными способностями...

Вот тут-то эти монстры человечество и доконают, как досадную помеху их кристаллической жизни... А потом просто все ресурсы кончатся. Была на Земле разумная органическая жизнь, потом победит кристаллическая, а потом не будет никакой...

И никто мне не докажет, что разумная жизнь может развиваться вечно. Потому что никто нигде так и не видел следов внеземных цивилизаций. А ведь Вселенная вечна и бесконечна. И значит, должно быть бесконечное множество цивилизаций, достигших безграничных возможностей. Следы таких цивилизаций были бы заметны повсюду. Мы обнаруживали бы их даже невооруженным глазом...

А их нет, и быть не может, потому что шурики всех существовавших ранее цивилизаций сожрали все, прежде чем оные цивилизации успели достичь этих самых безграничных возможностей. И потому гибель – единственная перспектива любой разумной жизни.

Только таким может быть грустный итог любых здравых размышлений по поводу исторической перспективы.

Размышляя с открытыми глазами, чуть было ни прозевал очередной обход. Едва успел притвориться спящим.

А, собственно, зачем мне притворяться? Ведь единственное, чего добиваются шурики из ЦК КПСС, это признать меня сумасшедшим. Что бы потом ни проповедовал, что с меня возьмешь – не все дома у бедолаги, а потому и мыслит не как все, а как полный идиот, списанный за это даже из армии.

И ведь придется стать таким, потому что военные шурики никогда не согласятся с тем, что человек по доброй воле к ним попавший, вдруг по доброй воле сможет от них улизнуть. Военные шурики по натуре – феодалы-крепостники. Их воля, они бы всех поставили в строй, и командовали, командовали, командовали...

Но беда в том, что кто-то в стране еще должен постоянно совершенствовать и производить их пушки, танки, самолеты и все, что они готовы потреблять в невероятных количествах, воруя при этом с крестьянской сметкой и без зазрения совести...

И только сумасшедший может отказаться от военной карьеры – от своего военного счастья в мирное время... Ни один шурик этого понять никогда не сможет... Так что придется стать сумасшедшим добровольно... А раз так, зачем сопротивляться?..

Только вот не Иван Иванович должен придумать мне болезнь, а я сам – незаметно подбросив ему идейку насчет кристаллической жизни. Идея бредовая, но плодотворная, как и всякая бредовая идея... А бредовые идеи быстро захватывают массы...

Эврика!.. Вот он и проявился тот путь, который поможет ускорить мое увольнение из армии. Ведь во всей этой необычайно смелой научной идее легко усмотреть болезненный бред – идею-фикс... Но свои мысли, основанные на логике здравого смысла, я должен не просто доложить Ивану Ивановичу, а понести в массы – начать их проповедовать и больным, и здоровым нашей палаты. Массы быстро подхватят – они ведь действительно захватывают, вдохновляют...

А вот он и я – идейный вождь и главный сумасшедший по части кристаллической жизни!.. Слухами земля полнится. Ивану Ивановичу донесут быстро... И дело сделано вчерне. Комиссуют без всяких проволочек, а то, не дай бог, вдруг ученики-апостолы появятся, да еще в массовых количествах. Идейка-то весьма продуктивна во всех смыслах...

И плевать я хотел на все их микстуры и таблетки. Они мне нужны самому! Ведь единственный способ вернуть мою любимую из небытия – это нажраться галлюциногенов, а уж они четко сработают в нужном направлении. Я снова увижу мою любимую Людочку, и хоть на краткий миг, она вдруг оживет в моем воображении, словно наяву.

Так я нашел, наконец, свой лучик света в темном царстве ярко освещенной палаты психиатрического отделения военного госпиталя.

Я пошарил в карманах костюма и отыскал две таблетки, которые утром получил от медсестры. Недолго думая, проглотил обе. Не знаю, действовали ли таблетки, или просто сказала бессонная ночь, но внезапно провалился в глубокий сон без сновидений.

Разведка убоем

– Ну, отец, ты как на парад собираешься. Зачем тебе все это на дежурстве? – спросила мама, обнаружив, что отец уже отгладил парадный мундир и теперь доставал из коробочек и прикреплял к нему свои военные награды.

– Приказ, – коротко ответил батя, прокалывая шилом мундир для ордена «Красной Звезды».

– Ты что делаешь?! Прекрати немедленно! – вдруг возмутилась мама, увидев, что отец не только проколол насквозь почти новую вещь, но еще и пытался грубо разворотить отверстие под толстый винт ордена.

– Ну что ты так кричишь, детуня. Как же я иначе ордена прикреплю? – спокойно пояснил отец, продолжая портить еще неношенный мундир.

– Хватит с тебя медалей!.. Повесил бы колодки и все... Кто там их считать будет... Ладно, этот повесь, а под другой не вздумай сверлить. Давай сюда, – подхватила мама коробочку с орденом.

– Да что за черт! – возмутился, наконец, отец, – Мне эти награды кровью достались. Эту повесь, ту не вешай, – бросил он с досадой мундир и закурил папиросу.

– Ну, вторую звездочку тебе после войны дали. За выслугу лет. Вот ее и не вешай, – предложила компромисс «детуня», как звал маму отец, когда на нее не злился.

– За выслугу?! – неожиданно взорвался батя, – Что ты знаешь о моей выслуге?.. Сколько товарищей-фронтовиков полегло после войны за эту выслугу... А она, за выслугу, – скрылся он в облаках дымовой завесы.

– Ладно, верти дырку, – неохотно отдала коробочку мама, – Хорошо, остальные не получил, а то бы весь мундир продырявил, как сито, – уколола она батю и с обиженным видом ушла в другую комнату.

Теперь замолчит на все праздники. И готовить ничего не будет. Так и просидим на сухомытке, пока отец ни вернется с праздничного дежурства.

Впрочем, ничего нового. Сколько себя помню, праздники в нашей семье не праздновали никогда. Отец все такие дни был на казарменном положении, а что-то организовывать без него

мама не хотела. Словом, все праздники у нас были скучными, а потому я их не любил, можно сказать, с детства.

Вот и теперь повод для ссоры найден. Едва отец уйдет на службу, нам троим, тоже за что-нибудь достанется.

– Пап, а ты какие ордена не получил? – спросил отца младший брат Володя, удивленный словами матери.

Только он в нашей семье еще не знал эти байки. Мы с Сашкой уже давно относились к ним с недоверием, ведь рассказывал батя о своих недополученных наградах лишь, когда бывал изрядно выпившим. У него и так хватало орденов и медалей, а потому мы не понимали, зачем ему хвалиться тем, чего просто нет.

– Да вот, сынок, представили меня к званию Героя Советского Союза, а звание так и не получил, – начал отец свой рассказ единственному из нас дошкольнику, кому это было интересно.

А я, махнув на все рукой, начал собираться к друзьям. Там хоть чувствовался канун праздника. Люди оживленно готовились к встрече с родными и близкими, с друзьями и просто старыми знакомыми. И главное, там не было гнетущей атмосферы обманутых предпраздничных надежд.

– А почему? – спросил Володя отца, как и мы с Сашкой, когда впервые услышали о его боевых заслугах, не отмеченных наградами.

– Ранили меня, а потом вывезли с плацдарма. Кто из наших в живых остался, все получили. Я потом в госпитале в газете прочитал... А кому мы, раненые, нужны?.. Мы Днепр форсировали, и плацдарм удержали, а в газете увидел даже тех, кого не было в первом эшелоне. Подоспели, как раз к наградам.

– А что такое плацдарм?

– Плацдарм?.. Это, сынок, земля на вражеском берегу. До нее доплыть надо, потом отбить у врага, а потом удержать... Пока плывешь, в тебя стреляют. Днепр река широкая. Не убьют, так утонешь... А доплывешь, надо до врага добежать, пока он не расстрелял из укрытий. Тут кому как повезет... Нам повезло. Выбили немцев, закрепились... А с утра началось... Из чего нас только ни утюжили... В живых осталась горстка. Дунь, и нет нас. А немцы этого не знали. Утюжили и утюжили.

– Чем? Утюгом? – рассмеялся брат.

– Да уж утюгом, сынок... Таким утюгом, что только клочья летели. И самолетами бомбили, и снарядами забрасывали, и минами. А вот пехоты, похоже, у них уже было мало. После того, как мы десятка три атак отбили, атаковать боялись. Убивали бомбами и минами, по квадратам, методично... На пятый день и меня ранило, не уберется.

– Куда?

– Вот сюда. Чувствуешь, рубец?

– Да... Больно было?

– А то. В горячке не заметил, а вот вечером, когда все стихло, тут и прихватило. Нас, раненых, к берегу оттащили. В тот вечер, уже по темноте вместе с подкреплением прибыл комдив. К нам подошел. Ну, говорит, спасибо, гвардейцы, всех представлю к наградам, как обещал. Вы свое дело сделали: плацдарм захватили и удержали, теперь уж мы его не отдадим, отсюда наступать будем... Нас всех переписали. Список комдив лично взял.

– А комдив, это кто?

– Командир дивизии. Он и говорил нам перед форсированием, что всех, кто доберется до берега, захватит и удержит плацдарм до его прибытия, представит к наградам. Пока переписывали, подошел ко мне. Ну, говорит, лейтенант, знаю, как воевал. Если можешь говорить, расскажи, как оно тут было, и подробно о своих действиях.

– А как было?

– Да не стал я, сынок, ждать, пока нас перебьют у берега. Под огнем поднял своих бойцов в атаку, а за нами уже подхватился весь десант. И мы так ударили немцев, что сходу смяли их оборону и ворвались в деревню. А там нас не ждали. Захватили мы тогда весь их транспорт и кучу пленных – удирать-то им не на чем... Да и плацдарм после этого получился такой, что немцам уже стал не по зубам... В общем, комдив поблагодарил за все, пожелал скорого выздоровления и сказал, что за мои действия представит к званию Героя.

– Так он что, папа, обманул?

– Не знаю, сынок. На фронт после госпиталя я уже не попал.

После этого отец обычно рассказывал про орден «Красного Знамени» и медаль «За отвагу», которые тоже не получил. В тот раз батя удивил тем, что впервые заговорил об этом в трезвом виде. Все наши с братом расспросы о войне он обычно игнорировал:

– Не дай вам Бог такое пережить, сынки. Какие там подвиги. На фронте мы о наградах не думали. Дожить бы до вечера. А ранят, не остаться калеккой. Ничего интересного на войне нет. Что о ней рассказывать, – говорил он, закуривал папиросу и уходил в другую комнату.

Что он так разговорился теперь, даже не знаю. Но я не стал слушать те истории, которые уже не раз слышал от пьяного отца, вслед за Сашкой потихоньку выскользнул из дома и пошел во двор к ребятам.

В праздничные дни мы старались не попадаться матери на глаза и проводили время у друзей. Наконец вернулся с дежурства отец, разумеется, навеселе.

– Опять пьяный?! – налетела на него мать.

– Почему пьяный? Выпили немного с ребятами после дежурства за праздник, – добродушно ответил отец.

– А о нас ты подумал? Мы тут сидим, ждем его с работы, а он там с ребятами пьянствует.

– С работы я вернулся вовремя, – нахмурился отец, – Что ты, детуня, делаешь из мухи слона? Ну, выпили по рюмочке за полчаса до окончания дежурства. Что здесь такого?

– Знаю я ваши рюмки. Нализался, как свинья!

– Я свинья?! – мгновенно вышел из себя оскорбленный отец, – Ну, ладно, я тебе эту свинью запомню, – пообещал он.

– Запомни, запомни, – дразнила, как обычно, мать, – Если только завтра вспомнишь, пьяница.

– Я пьяница?! – окончательно рассвирепел отец.

– Пьяница-пьяница, – продолжила мстить за испорченный праздник «детуня».

– Я тебе покажу пьяницу. Пьяницу она нашла. Где ты видишь пьяницу? – возмутился, как всегда, отец, но уже спокойным тоном, продолжая переодеваться.

Его переодевание заключалось в том, что он снимал фуражку и парадный мундир. И это все – дома отец всегда ходил, как и на службе, в форменных брюках, рубашке и в сапогах. Штатской одежды и даже тапочек, сколько помню, у него никогда не было.

– Есть, что поесть? – спросил отец, так, на всякий случай, ибо ответ уже знал заранее.

– А для кого мне готовить? Ты там нажрался с друзьями, мне ничего не надо, а ребята и так не голодные, – ответила мать.

– Так и знал, – буркнул отец, схватил веник и принялся подметать всю квартиру: такая работа его успокаивала.

Мать, убедившись, что все идет «по плану», ушла на улицу, посидеть на лавочке с завсегдатаями вечерних посиделок.

Убрав квартиру, отец принялся готовить. Готовил он замечательно, гораздо лучше матери – в годы срочной службы ему пришлось недолго быть поваром. Приготовив целый обед

из трех блюд, батя пригласил нас, уже давно изнывавших от дразнящих запахов, доносившихся с кухни:

– Ребята, давайте ужинать, и мать зовите, – попросил он.

Мы с Сашкой давно знали, что это бесполезно – мать вернется домой лишь ближе к полуночи, потом мы все будем просить у нее прощения, и немного поломавшись, она, конечно же, всех нас, включая отца, простит. Направили младшего Володю, ее любимчика.

Как ни странно, брат вернулся с мрачно молчавшей мамой. После процедуры всепрощенья, мы, наконец, всем семейством сели за праздничный стол...

Едва поужинали, в коридоре послышались глухие удары и пронзительные женские крики.

– Опять Василенко Дусю бьет, – вскочила мама, – Тоже пьяный пришел, а теперь дерется.

– Почему тоже? – возмутился отец, – Разве я тебя бью? – улыбнулся он.

– Попробуй только! Сквородой пришибу, – распетушилась мама, которую отец никогда, как говорится, «даже пальцем не тронул».

Неожиданно дверь распахнулась и в комнату влетела тетя Дуся, а за ней с криком «Убью!» ее свирепый муж. Мы ничего не успели сообразить, как отец метнулся к дяде Коле, который внезапно рухнул, как подкошенный.

– Ах ты, гад! – вскочил он с пола и бросился на отца так, что тот исчез из виду за его мощной фигурой.

Мы с Сашкой ринулись, было, на помощь отцу, но Василенко снова рухнул, сильно ударившись о деревянную перегородку. А у перегородки, как ни в чем ни бывало, улыбался батя:

– Вот дурак... Вставай, – подал он руку соседу.

Но тот, вскочив, снова ринулся на отца и снова рухнул.

– Не надоело падать? – спокойным тоном спросил отец, – Смотри, разобьешься ненароком.

Сделав еще попытку, Василенко сдался:

– Ну, Афанасий, не ожидал. Думал, раздавлю, как муху, а ты ловкий... Дай пять, – протянул он руку.

– Батя, стой! – крикнул отцу, пытаясь предупредить: все во дворе знали о мощи руки дяди Коли, но было поздно – рука отца угодила в капкан.

– Ай! – неожиданно вскрикнул дядя Коля, – Все-все, Афанасий, сдаюсь... Пойдем, выпьем, поговорим, – предложил он, стоя в неестественном поклоне до земли, с поднятой кверху рукой, которую отец легко удерживал за вывернутый большой палец.

Он вопросительно взглянул на маму, которая лишь молча замахала руками, знаками показывая, чтобы тот поскорее увел беспокойного соседа.

Едва мужчины вышли, из-за стола приподнялась испуганная насмерть тетя Дуся:

– Спасибо вам, большое, Надя. Если бы ни твой Афанасий, он бы меня убил, – сказала она.

Ее усадили за стол, она заплакала, ей дали валерьянки, успокоили...

Через час вернулся пьяненький отец:

– Все, Дуся, можешь идти домой. Он тебя больше не тронет.

– Спасибо, Афанасий. Я не пойду. Я его боюсь.

– Не бойся. Мы с ним поговорили. Точно не тронет. Да он уже уснул.

Тетя Дуся ушла, а мы бросились к отцу:

– Батя, как это тебе удалось с таким здоровяком справиться?

– Я же десантник. И не с такими справлялся в рукопашном, да и бандитов покрепче дяди Коли живьем брал, – ответил довольный отец.

Мы были в восторге, и даже мама не ругала отца, что крепко выпил тогда с помятым и ударенным об стенку дядей Колей. А свою жену Василенко больше не бил никогда...

Но еще больше удивил отец, когда в конце августа приехал забирать нас из деревни. Он появился с большим опозданием и не один, а с высоким крепким мужчиной, на груди которого кроме орденской колодки красовалась «Золотая Звезда» Героя Советского Союза. Оба были навеселе, довольные и счастливые.

Оказалось, это однополчанин отца, с которым они не виделись с того самого дня, когда тот перетащил раненого отца к Днепру, где высокий берег защищал от обстрела.

Они встретились случайно, у касс станции Рубежное, где отец делал пересадку на рабочий поезд, и сразу узнали друг друга. Конечно же, рыбалка была отменена, и отец сутки провел у товарища-фронтовика. Когда же батя сказал, что приехал за детьми в деревню, тут же решили ехать за нами вдвоем.

Мы впервые видели Героя вблизи, да еще могли с ним разговаривать, как с обычным человеком. В школе перед нами выступали фронтовики, но Героев Советского Союза среди них не было, а потому для нас они были людьми из книжек и фильмов о войне.

Теперь же мы водили нашего Героя по всей деревне и даже купались с ним в речке, а за нами в отдалении ходила толпа деревенских ребят и во все глаза глядела на нашего почетного гостя. Лишь нашему другу Кольке Сухине мы разрешили присоединиться к нам.

А потом было пышное застолье, на которое по традиции пригласили всех соседей, и нам пришлось наблюдать за происходящим издали. Но мы слышали все разговоры, из которых выходило, что и наш отец тоже Герой, которого незаслуженно забыли. И наш гость обещал обратиться, куда следует, и восстановить справедливость.

На следующее утро вдруг обнаружилось, что Герой в суматохе потерял золотую звезду. На пиджаке от медали осталась лишь колодочка. Все расстроились и бросились на поиски.

– Не волнуйтесь, – успокоил нас Герой, – Она у меня не настоящая.

– Как так? – удивился я.

– Латунная. Блестит, как золото, а не золото. Потерялась, и ладно. Другую надену. У меня их еще штук пять, – пояснил он.

А я вдруг почувствовал себя жестоко обманутым. Похоже, этот фальшивый герой вовсе не Герой, а заурядный шарлатан. За весь вечер ни слова о войне – ни он, ни отец, как сговорились. Может, этот тип и на фронте не был. Познакомились с отцом на станции и решили выпить за знакомство. А в оправдание загула и для пущей важности этот мошенник фальшивую звезду Героя нацепил. Хорошо, еще одну повесил, а мог бы и две, а то и все пять.

Через полчаса поисков Сашка все же отыскал закатившуюся под шкаф звездочку. Герой обрадовался и стал собираться домой, но мне он уже был не интересен.

Лишь через несколько лет узнал, что все Герои носят муляжи, но тогда испытал такое разочарование, что вновь потерял веру в рассказы отца...

Но польза от встречи с Героем все же была: по его совету отец написал запрос в центральный архив министерства обороны.

И вот однажды батя пришел с работы навеселе и тут же вручил мне какой-то документ на бланке:

– Вот, сынок, читай вслух. А то вы мне не верили, – возмущенно горячился он, но, судя по всему, был чрезвычайно доволен собой.

Это был ответ из военного архива, куда отец обратился с просьбой подтвердить срок его нахождения в действующей армии. Архив подтвердил фронтовые год и три месяца отца, а также известил, что в архиве хранится орден «Красного Знамени», которым он награжден еще в начале 1943 года, но так и не получил.

– Мать, это как раз тот орден, – попытался отец что-то напомнить матери.

– Какой тот? – удивленно спросила она.

– Да мне тогда после госпиталя отпуск предоставили, а оказалось, ехать некуда. Тебя как раз в Сталинград направили. Адреса у меня еще не было. Родители в оккупации. Вот и решил навестить тещу в Кораблино. Приехал, а она мне, ну-ка, Афанасий, где твой орден «Красного Знамени», покажи. Не знаю, говорю, ничего, откуда у вас такая новость. По радио, говорит, передавали, все данные твои. Не знаю, говорю, нет ордена. А на заметку взял, – бодро и весело рассказал отец...

Вскоре его вызвали в обком партии, где вручили орден. Об этом событии рассказали по радио и написали в газетах. Заголовок и содержание одной из статей «Награда нашла героя через шестнадцать лет» помню до сих пор.

В статье излагалось, как старшина пехотной роты, бывший десантник, списанный по ранению, умелыми действиями вывел свою роту, которой командовал как старший по званию, в тыл врага. Потеряв ранеными всего три человека, рота полностью уничтожила пятеро превосходившие силы противника. Сам герой уничтожил в том бою два вражеских танка и одиннадцать фашистов. Благодаря его инициативе, наступление наших войск на том участке прошло более успешно, чем планировалось, хотя могло бы закончиться плачевно.

– Ну, батя, теперь верю, что ты действительно мог стать Героем Советского Союза, – сказал отцу под впечатлением от прочитанного.

– Так ты что, мне не веришь, сынок?.. Ну и ну... Ты же сам видел моего однополчанина, с которым мы Днепр форсировали, – обиделся батя.

– Видеть-то, видел, – согласился я, – Но ни ты, ни он так ничего тогда и не рассказали. А здесь целая статья в газете.

– Эти газетчики напишут, – вдруг удивил отец, – Со мной даже не поговорили. Списали данные из наградных документов, и сами что-то прибавили. Вот и написали совсем не так, как было.

– Ну, ты даешь, батя! Разве могут в газетах писать неправду?

– Сколько угодно, сынок... Статьи пишут люди. Как надо, так и напишут. Любого могут героем сделать, а могут наоборот... В принципе, вроде бы все верно, а на самом деле, – махнул рукой отец и пошел готовить ужин.

Конечно же, меня, в мои пятнадцать лет, интересовали подробности. К тому же тогда я впервые услышал, что написанное в газетах и даже в наградных документах не всегда совпадает с истиной. Рассказ отца о тех событиях стал для меня потрясением.

Но вытаскивать из него информацию пришлось буквально по крупицам – разговорить отца на военные темы можно было лишь, когда он приходил не совсем трезвым, и при этом удавалось избежать праведного гнева матери. Только в таком состоянии батя хоть и без энтузиазма, но отвечал на вопросы, иначе его ответ всегда был одним и тем же:

– Зачем тебе это, сынок? Читай книги – там о войне все написано, как надо.

– О тебе же там не написано, – резонно возражал ему.

– О себе я как-нибудь сам напишу, сынок, или ты напишешь, когда повзрослеешь и сможешь понять.

– Я уже не ребенок, батя, – возмущался его словам, – Что же такое я должен понять, чего сейчас не понимаю?.. Да и как напишу, если ты ничего не рассказываешь?

Батя в ответ лишь смеялся, закуривал очередную папиросу и уходил по своим делам...

Но в ту осень пятьдесят девятого года отец месяца два, а то и больше, «обмывал» с приятелями свой орден, и это, как ни странно, сходило ему с рук – мама делала вид, что не сердилась.

Воспользовавшись ситуацией, вопрос за вопросом, я узнавал у отца то, что он, как и все фронтовики, безнадежно хотел забыть – весь тот кошмар, который ему довелось пережить на фронте, сохранив при этом не только жизнь, но и разум.

– Батя, а как это тебе, старшине, доверили командовать ротой? – задал ему однажды провокационный вопрос.

– А кому же еще? – мгновенно отреагировал отец, – Я когда в роту прибыл, ни одного офицера не было. Меня и назначили старшиной роты, как старшего по званию. Правда, в роте было человек двадцать, не больше. Сильно их потрепали немцы.

– Это всего-то... А как же вы справились с батальоном?

– Это уже потом было, сынок, когда нас пополнили и отправили на передовую. А тогда не только рота, а вся часть была на отдыхе, километрах в ста от передовой... Меня, правда, сразу загрузили выше крыши.

– Чем это, батя? Вы же на отдыхе.

– Какой там на фронте отдых, сынок. Бойцам, конечно, после передовой дали отоспаться и отмыться... А потом снова подготовка к боевым действиям... Вызвал меня комбат и спросил, каким оружием воевал в десанте. Оказалось, в часть только-только стали поступать автоматы. Давай, говорит, срочно переучивай бойцов. Только этим занялся, тут пополнение начало прибывать. У старшины в такое время работы хоть отбавляй, а я еще и за ротного. Так что не до отдыха было.

– А что, офицеров в том пополнении не было?

– Не было, сынок. Офицеров готовить дольше, чем бойцов, а на передовой они – главная мишень. Долго не живут, – запыхтел папироской отец и замолчал, что-то вспоминая, – А так пополнение понравилось: ребята хоть и молодые, но уже повоевали. Все, как и я, после госпиталей. Да и автоматчики среди них были, – добавил он после минутной паузы и завершил свой рассказ, сославшись на позднее время и усталость...

– Батя, а как вам удалось пробраться к немцам в тыл? – через неделю спровоцировал отца на очередной разговор.

– Как удалось, – проворчал отец, закуривая папиросу, – Сам бы хотел узнать, – удивил он неожиданным ответом, так не вязавшимся с газетной статьей.

– В газете написано, что ты вывел свою роту в тыл врага, – напомнил ему.

– Мало ли что напишут в газете, – снова возмутился отец, – Честно говоря, сынок, я до того на передовой не был ни разу.

– Как так? – удивился я.

– Нас сбрасывали сразу за линию фронта – либо к партизанам, либо в окружение для усиления... В сорок втором чуть, было, в харьковский котел ни угодил, – неожиданно проговорился отец.

– В какой котел? – тут же зацепился я.

– Да здесь, под Харьковом, сынок, немцы окружили наши войска. На выручку им десант бросили. Один наш полк улетел в полном составе... Мы уже в самолетах сидели, когда вылет отменили. Там такая мясорубка началась, им никто бы не помог. А тот полк еще в воздухе немцы расстреляли, – снова загрустил отец и, как обычно, ушел от дальнейших разговоров...

– Батя, так как же вы все-таки линию фронта прошли? – вернулся я к тому же вопросу, что и неделю назад.

– Да не знаю, сынок, – как и в прошлый раз, ответил отец и, помолчав, продолжил, – Честно сказать, просто не знал, где она эта линия фронта. Вот и заблудился.

– Как заблудился? – удивился я.

– Так и заблудился, как в лесу... Только мы тогда получили новое оружие, начали учебные стрельбы, нас, командиров рот, к комбату. Все, говорит, ребята, отдых отменяется, завтра на рассвете в бой... В общем, поставил боевую задачу и роздал карты. Там, говорит, каждому из вас указан маршрут следования, исходная позиция для атаки и рубеж, где закрепиться...

Пока рассказывал, вроде бы все понятно было. Непривычно, правда. Я на таких совещаниях еще не бывал. Там одни офицеры и я, единственный старшина.

– Ну и что. Ты же командир роты.

– Командир-то, командир. А вот знаний у меня, сынок, кот наплакал. Я же до армии всего семь классов кончил. В картах ничего не смыслил. Мне бы сказать об этом комбату, а я промолчал. Вот, скажет, десантник, а карт не знаешь.

– Ну, батя, ты даешь.

– Да тогда, сынок, ничего удивительного в том не было. Многие даже семилетку не кончили... Ладно, думаю, если что, у других ротных спрошу. На том и порешил... А вечером нас погрузили на машины и повезли. Часа два ехали. Выгрузились в чистом поле. Темно, ничего не видно, а впереди погромыхивает и сверкает, как при грозе, – передовая. Шофер, с которым ехал, сказал, что до передовой еще километров пятнадцать. Идти надо по дороге, а километров через десять будет поворот налево. Не перепутайте, говорит, а то к немцам придете... Как накаркал... Построил роту, поспрашивал бывалых бойцов. Места, говорят, знакомые, недавно здесь от немца драпали, не заблудимся. Ну, и пошли. Часа через два стали искать поворот. Нет поворота. А на передовой, как нарочно, все стихло. Ни немцы не стреляют, ни наши. Еще через час поняли, поворот прозевали. Назад возвращаться, вроде бы не с руки. Потом бойцы тропку обнаружили. Вроде влево ведет. Кто-то даже сказал, что помнит ее. Ну, по ней и двинули.

– Молодцы, – ироничным тоном «похвалил» отца.

– Да кто ж знал, сынок, что роту выгрузят отдельно. Думал, выйдем к передовой со всеми... В общем, поняли, что заблудились. А до начала артподготовки около часа осталось. Ну, думаю, влип... А сержанты, не дрейфь, старшина, артподготовка начнется, добежим, куда надо, да и рассвет скоро, сориентируемся.

– Да уж, – разволновался я так, словно от этого зависела моя жизнь.

Да, собственно, так оно и было: случись что тогда с отцом, не было бы ни меня, ни моих братьев...

А отец продолжил рассказ:

– В общем, еще километра три прошли, а впереди никого. Светать начало. И тут бойцы боевого охранения доложили – впереди немцы. Ну, думаю, слава богу, добрались. Тут и выяснилось, что мы у немцев в тылу, а прямо перед нами какая-то их часть на отдыхе. Вот, думаю, влипли. Мне не привыкать по тылам ходить, а вот в бойцах не был уверен. Тут особая подготовка нужна.

– Какая, батя?

– Десантная, сынок. Чтобы малыми силами нанести противнику максимальный урон.

– Надо же.

– А ты как думал. Мы во вражеском тылу так и действовали. Налетали, как снег на голову, делали свое дело и исчезали. И теперь надо было сделать то же самое. Вот только бойцы... Обычная пехота... В общем, отошли на безопасное расстояние. Собрал взводных, разъяснил обстановку. Что будем делать, спросил. Воевать, ответили все, как один.

– А что они еще могли ответить?

– Это понятно, сынок. Я их так спросил, для порядка, чтоб боевой дух поддержать. И так все было ясно. К бою готовились, а не на прогулку... В общем, взял с собой самого опытного сержанта, и в разведку... Подползли к немцам. Видим, разрушенная колхозная ферма. От сараев остались одни фундаменты, да трубы. Немцы туда сена натаскали и улеглись спать вповалку. А некоторые сидя спали, привалившись к чему-нибудь. Утренний сон, самый крепкий... Выявили все посты. Да часовые и не прятались. Уверенно себя чувствовали в своем тылу. Прохаживались так, чтобы не уснуть... А потом смотрю, мама дорогая, в силосных ямах два танка стоят. Замаскировались – одни башни торчат. Танкистов не видно. Скорее всего,

в танках спали. Обе пушки в одну сторону направлены. Значит, в том направлении наши... Прикинули с сержантом, сколько немцев. Мороз по коже – раз в пять больше нашего и все с автоматами.

– А вас сколько было?

– Пять взводов. Недоукомплектованных, правда. В каком человек двадцать, в каком на пару-тройку больше. А автоматы только у трети бойцов. Ну, еще два пулемета и противотанковое ружье. Вот и все наше вооружение.

– А у остальных?

– Трехлинейки со штыком и гранаты.

– Да-а-а... Не густо.

– Не успели мы, сынок, автоматы получить на всех, да и патронов выдали всего на один диск, чтобы не тратили без толку с непривычки.

– Надо же. И что дальше, батя?

– Ну, что... Рассредоточились, заняли позиции... Минут за двадцать до начала артподготовки сняли посты, подобрались поближе к немцам и приготвилились к бою.

– Как сняли?

– Как в кино, сынок.

– Так вы что, их убили?!

– А что с ними делать? – нахмурился отец, – Стоишь на посту, не зевай. Тут уж кто кого. У часовых автоматы, а мы с одними ножами, чтобы не выстрелить случайно. Один выстрел и все немцы на ногах – тревога. Нам бы тогда туго пришлось... А посты сняли, удалось вплотную подойти... Я с тремя бойцами подобрался к танкам. Подготовили мы связки гранат и противотанковое ружье. Спрашиваю бойца, стрелял ли по танкам. Оказалось, только по мишеням. Пришлось самому к ружью встать.

– А ты стрелял?

– Было однажды... Бойца с таким же ружьем убило, а на нас танк прет... Попал прямо в смотровую щель... Отдача у этого ружья сильная, сынок. С непривычки плечо потом долго ныло, – сказал отец и замолчал, вспоминая, очевидно, тот эпизод с танком, который пер тогда на них, и который надо было остановить, во что бы то ни стало...

– А что дальше? – прервал я длинную паузу.

– Дальше был ад, сынок... Вспоминать тошно... В общем, только услышал первый залп, выстрелил по корме танка. Попал удачно – вспыхнул сразу. А со вторым не получилось. Пока перезаряжал, он выскочил из укрытия, развернулся и рубанул из всех пулеметов. Тогда-то наших троих и ранило. Все же подбил и его, а ребята гранатами добились.

– Батя, а когда ты одиннадцать фашистов уничтожил?

– Выдумки это, сынок. В танках, конечно, были танкисты, но кто их считал... Пока стрелял по танкам, бойцы забросали гранатами и расстреляли всю пехоту. Не сражение это было, сынок, а бойня. Некоторые даже проснуться не успели, а кто успел, укрыться не смог, не то что сопротивляться. Через минуту от того батальона в живых остались только тяжелораненые и с десятков сдавшихся в плен.

– Вы что, стреляли в спящих?! И вам их не жалко? – возмущенно спросил отца.

– Если бы они не спали, уничтожили бы нас всех до одного без всякой жалости. Их было намного больше, и все как один вооружены автоматами... И еще эти танки... Это война, сынок. Мы тогда хоть раненых не добились и тех, кто сдался, не шлепнули. В десанте мы пленных не брали. Там в живых не оставляли никого, – открыл мне жуткую правду войны отец.

– Что и пленных, и раненых убивали? – ужаснулся я.

– Всех. Такой был приказ, – хмуро ответил отец, вспоминая, очевидно то, что казалось нормой тогда, и что казалось диким, спустя пятнадцать лет по окончании той страшной войны.

– Но вы же коммунисты, батя! А так поступали только фашисты! Это же негуманно убивать сдавшегося или раненого солдата, – возмутился я вопиющей несправедливостью.

– Гуманно, когда враг на твоей земле мертв, – сказал мне тогда, как отрезал, отец и, нахмурившись, ушел курить, оставив наедине со своими мыслями.

Позже отец рассказывал об еще более удивительных вещах, которые казались мне просто невозможными. Оказывается, среди десантников были даже добровольцы расстреливать пленных. И никто не считал их выродками, потому что они не были маньяками-садистами, а просто таким жутким образом мстили врагу за боль, которая у каждого из них была своя.

Подобные рассказы, которые слышал не только от отца, но и от других фронтовиков, допрашиваемых с пристрастием, буквально перевернули мое мировоззрение. Годам к шестнадцати уже самостоятельно сделал вывод, что есть официальная правда, а есть реальность, которая может отличаться от нее радикальным образом.

Я постоянно допытывался у отца, как случилось, что он не получил тот орден вовремя. Ведь его карьера могла быть более успешной. Он отвечал, что был ранен, а потому ничего не знал о награде. Но я чувствовал, что отец что-то скрывает и ему неприятны эти воспоминания.

Однажды он все же «раскололся»... В тот день батя пришел с работы часа на два раньше. Хорошо, матери не было дома – от отца откровенно разлило перегаром.

– Батя, ты что, выпил? – спросил его.

– Выпил, сынок, – не стал отпираться отец, – За спасение души убиенного раба божья, – выдал витиеватую фразу коммунист-атеист.

– Что случилось? – спросил, почувствовав необычное состояние отца.

– Уходить надо с этой работы, сынок, а куда, не знаю... Специальности нет никакой... До срочной работал в Рубежном на красильной фабрике. А с тех пор только война и война. На фронте ты хоть с врагом на равных – кто кого опередит. Да и с бандитами... А вот в тюрьме работать, не дай бог, – сказал он и замолчал.

– Уходи, раз не нравится, – бодро посоветовал ему.

– Не все так просто, сынок. Нравится, не нравится... Я же хоть и во внутренних войсках, но военнослужащий. Что прикажут, то и должен делать. Да и вас у меня на шее – с матерью аж четверо... Ладно, чего бы выпить, – засуетился он, собирая на стол.

Вскоре вкусно запахло, и отец пригласил меня к столу:

– Давай по рюмочке, сынок, – предложил он.

Я посмотрел на бутылку и рассмеялся. В прозрачной поллитровке колыхалась светло-голубая жидкость, а на этикетке красовался черный череп со скрещенными костями и крупными буквами написано: «Яд!»

– Немножко можно, – подбодрил отец, – Это так, запугивают. Хоть и денатурированный, а спирт. Мне его от ревматизма прописали. Так что если мать учует, скажу, растирался.

Он налил мне граммов тридцать, а себе полстакана.

– Не много, отец?

– В самый раз. Под мое пакостное настроение. Ладно, давай, не чокаясь.

Мы выпили. Отец налил себе еще полстакана:

– Знаешь, сынок, как перед атакой – можно выпить литр водки, и ни в одном глазу. А после атаки валишься, как подкошенный. Сутки можешь проспать.

Отец пил и пил, а я мучился в догадках, что же у него такого случилось на работе. Наконец он «созрел»:

– Расстреляли, сынок, сегодня зэка, которого я разрабатывал, – сообщил он свою «новость».

– За что?! – вздрогнул я, как от удара.

– За убийство, сынок.

– Ну, а ты здесь причем?

– Да не убивал он никого. А вот доказать ничего не смог – все улики против него. Всеми силами хотел ему помочь. Но, как всегда, команда сверху: следствие свернуть, все материалы в суд. А суд на основании улик приговорил его к высшей мере.

– Батя, а разве сейчас расстреливают? Говорят, приговоренных отправляют на урановые рудники. Они там сами от радиации умирают.

– Болтовня, сынок. Там техника какая. К ней разве преступника приставишь, да еще приговоренного... Расстреливают, сынок... Как в кино... Только по-настоящему... Стоит живой человек. Зачитали приговор. Залп, и труп вместо человека... Как же он на меня смотрел... Ни на кого не смотрел. Только на меня.

– А ты, с какой стати там был, батя? – ужаснулся я.

– Протокол оформлял, сынок. Положено так. Они думают, раз фронтовик, значит, к смерти привычный... Удивились, когда отказался. Это приказ, говорят. Или уходи из органов. Только вот куда, не сказали... Как же он на меня смотрел. Как на последнюю надежду.

– Да от тебя, батя, ничего не зависело. Не убивайся ты так.

– Знаю, сынок... Со мной уже было такое на фронте... Так же вот боец мой на меня смотрел, когда нас с ним расстреливали. Я-то заранее знал, что нам всем крышка, а ребята до конца верили.

– Кто это вас расстреливал? Когда?

– Немцы, сынок... А приговор нам вынесли наши отцы-командиры... Шкуру свою спасали.

– Что-то я не понял, батя. Расскажи подробнее, – попросил его.

Отец выпил еще порцию денатурата, который его, похоже, как и перед боем, совершенно не брал, и начал свой рассказ:

– Если бы в нашей роте был хоть один офицер, сынок, мы бы не заблудились. Только вот тогда при нашем наступлении тот батальон, который мы расстреляли, уничтожил бы нас с фланга. И не только нас. Вся операция пошла бы кувырком.

– Как это?

– Тот батальон с танками туда специально перебросили. Немцы догадались, где мы будем наступать. Вот только опоздали они чуть-чуть. Да и мы с тыла, как снег на голову.

– А откуда это известно?

– Мне потом в штабе дивизии растолковали. Они там всю операцию по косточкам разобрали. наших командиров допрашивали, потом меня, что да как, и даже пленных немцев... Большой был скандал... Выходило так, что если бы мы действовали по плану, вместо наступления получили бы полный разгром.

– Выходит, вы тогда всех спасли?

– Выходит, так, сынок... Но видно не всех выручили, раз расследование назначили. С кого-то погоны сняли бы наверняка, а то, глядишь, и шлепнули, как врага народа... Война.

– За что шлепнули?

– За бездарный план наступательной операции. Это мне уже в штабе дивизии сказали. А сначала меня самого чуть ни шлепнули.

– За что?

– За невыполнение приказа, сынок. Мы же не попали, куда надо было по приказу.

– Так хорошо, что не попали!

– Хорошо-то хорошо, но тогда об этом никто не знал... Только вышли из боя, закрепились на новом рубеже, меня тут же к комполка. Где это ты, говорит, околачивался со своей ротой? Найти вас не могли. Ну, доложил, как все было. А он не поверил, ни про немцев в засаде,

ни про танки, а особенно, когда доложил о наших потерях. У всех, говорит, не меньше тридцати процентов состава, а у вас всего трое раненых. Значит, так воевали. Расстреляю, говорит, за неисполнение приказа.

– Что же он не понял, что вы всех спасли?

– Да мы сами этого не поняли, сынок... А приказ я действительно не выполнил. Это факт... Меня тут же на машину и в штаб дивизии... Приказали сдать оружие (у меня тогда, как у ротного, еще и пистолет был) и на допрос к майору из особого отдела... Ну, я тому майору все честно изложил, как было. Покажи, говорит, на карте... А как я покажу... Он рассмеялся – вижу, говорит, не врешь. Снова на машину и туда, где мы немцев покروшили. А там уже трофейная команда работает. Майор все обошел, а на наших позициях кое-где даже гильзы пересчитал, и все занес в какую-то схемку, а под конец еще у трофейщиков бумажку взял – те уже посчитали убитых... Тебя, говорит, старшина, не наказывать, а награждать надо, а вот твоих командиров к стенке за бездарное планирование операции.

– Хоть один понял... А дальше что?

– Вернулись в штаб, майор доложил комдиву. Тот меня вызвал. Так ты, говорит, со своей ротой два танка уничтожил и целый батальон, да еще без потерь – удачно же ты заблудился, старшина... В общем, вернули оружие и отпустили... А после обеда снова вызвали в штаб к тому же майору. Он мне все подробно и растолковал. В штабе уже во всем разобрались. Всю картину боя восстановили. Сверли, говорит, старшина, дырочку под орден.

– Так это тебе тот майор про орден сказал?

– Не только... Комдив кроме ордена пообещал даже офицерское звание. В войну это было проще. Тем более на фронте... Зато в полку ждал сюрприз так сюрприз.

– Представляю, батя.

– Вряд ли, сынок... Это после войны всем кажется, что воевали героические люди, кристально честные личности. Ангелы... Нет, сынок. Люди все те же. Только вот сволочь на фронте еще опаснее, чем где-либо, а человек порядочный еще больше незащищен. Его-то такой и толкает во все опасные дела. Выживет – герой, а погибнет – не я же.

– К чему это ты, батя?

– Ты сам подумай, сынок... Так вот... Только вернулся в роту, вызвали к комполка... Сидит в блиндаже, злой, как собака. Видно, крепко его взгрел комдив... Ты, говорит, старшина, оказывается, в разведке больше моего понимаешь, так что завтра у тебя есть возможность отличиться... Стою, молчу... А он тут такое ляпнул, – отец вылил остатки денатурата в стакан, выпил и замолчал, вспомнив, очевидно, очень неприятные моменты того разговора...

– Что же он такое сказал? – прервал я затянувшуюся паузу.

– Не поверишь, сынок... Сам не ждал, тем более от коммуниста... Лучше бы, говорит, ты вывел роту, куда положено. Перебили бы вас немцы, и проблем у меня сейчас не было... И чего, говорит, не шлепнул тебя за неисполнение приказа... Танками вашими захотел похвалиться перед комдивом... Вот и похвалился... Иди, говорит, старшина с глаз долой, приказ получишь от комбата. Надеюсь, десантник, больше с тобой не увидимся.

– Вот сволочь! – не выдержал я вопиющей несправедливости.

– Да уж, действительно, пожелал, так пожелал, – согласился отец, и после паузы продолжил, – Вечером от комбата получил приказ сдать позиции роты соседям и ночью переместиться на левый фланг полка... Только переместились, тут как тут начштаба полка с новым приказом – на рассвете атаковать укрепрайон противника, который прямо перед нами... Станным мне все это показалось: приказ устный, наступать должна только наша рота, и никаких данных о противнике... Лишь общие слова – прорвать линию обороны, подавить сопротивление и ждать общего наступления. Какого общего наступления? Сколько ждать?... Спросил начштаба, а он мне матом – твое, мол, дело, старшина, не приказы командиров обсуждать, а добросовестно их исполнять... Тогда я затребовал письменный приказ... Получишь в свое время, сказал,

и укатил... Так мне все это не понравилось, сынок. Чувствовал какой-то подвох, а спросить не у кого. Поговорил с ротным, который здесь закрепился сутки назад. Тот ничего не знает. Немцы, говорит, на наш огонь не отвечают, маскируются, а пленные сказали, впереди мощная оборона... Такое ощущение, нашу роту под огонь хотят сунуть... Ну, думаю, я-то точно не жилец, а рота за что должна страдать?

– Батя, а можно было пожаловаться кому-нибудь?

– Кому, сынок? В армии приказ надо сперва выполнить, а потом обжаловать... Бойцам ничего говорить не стал. Зачем? Им в бой идти, а как без веры? Без веры нельзя... А сам до утра глаз не сомкнул. За себя не боялся. Я почему-то всю войну чувствовал, что непременно жив останусь, а вот бойцов было жалко. Молодые ребята, не старше двадцати. Я их даже толком узнать не успел. Но ребята надежные, в первом бою не подвели... Написал письмо вашей маме. Где-то оно у нее до сих пор лежит.

– Видел я эти треугольнички, батя. У мамы их целая пачка. Попросил как-то почитать, не дала.

– Когда-нибудь прочтешь, сынок. Я и то их не читал больше с самой войны. Уж очень не хочется вспоминать, – отец с сожалением посмотрел на пустую бутылку и продолжил, – За час до атаки приехал комбат, вручил приказ. Из приказа узнал, что рота должна провести разведку боем. Поразило одно – нам запрещали отход на исходные позиции. Мы должны вести бой до последнего патрона и ждать подкрепления... Знаешь, сынок, прочел и понял, выручать нас никто не будет – мы обречены. Так стало жутко и еще обидно: сутки назад мы спасли часть от разгрома, а нас теперь гонят на убой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.